

Научная статья

УДК 159.9

DOI 10.25205/2658-4506-2021-14-2-61-73

Психометрический анализ шкалы зависимости от социальной сети Instagram*

Елизавета Леонидовна Самочернова¹

Екатерина Андреевна Сосновская²

Ахмад Шоле³

¹⁻²Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

³Universitas Islam Indonesia
Джокьякарта, Индонезия

¹samochnovaliza@gmail.com

²sosnovskaya.psy@gmail.com

³zholeh.wei@gmail.com

Аннотация

Актуальность проблемы интернет-зависимости на сегодняшний день бесспорна, ее значимость особенно возросла в период пандемии COVID-19. В статье представлены результаты апробации шкалы The Instagram Addiction Scale (TIAS) для диагностики уровня зависимости от социальной сети «Инстаграм»* на русскоязычной выборке ($n = 416$). Произведена оценка психометрических характеристик русскоязычной версии опросника: надежности по внутренней согласованности, конструктивной валидности и факторной структуры. По результатам адаптации, TIAS обладает хорошими психометрическими показателями.

Ключевые слова

Интернет-зависимость, адаптация теста, инстаграм-зависимость, TIAS

Для цитирования

Самочернова Е. Л., Сосновская Е. А., Шоле А. Психометрический анализ шкалы зависимости от социальной сети Instagram* // Reflexio. 2021. Т. 14, № 2. С. 61–73. DOI 10.25205/2658-4506-2021-14-2-61-73

* Запрещена на территории РФ.

Psychometric Analysis of “The Instagram Addiction Scale”

Elizaveta. L. Samochnova¹,
Ekaterina A. Sosnovskaya²,
Achmad Sholeh³

¹⁻²Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

³ Universitas Islam Indonesia
Yogyakarta, Indonesia

¹ samochnovaliza@gmail.com

² sosnovskaya.psy@gmail.com

³ zholeh.wei@gmail.com

Abstract

The urgency of the problem of Internet addiction today is undeniable, the significance of this problem has especially increased during the COVID-19 pandemic. The article presents the results of adaptation of the questionnaire “The Instagram Addiction Scale” (TIAS) for diagnosing the level of dependence on the social network Instagram* in a Russian-speaking sample ($n = 416$). The psychometric characteristics of the Russian-language version of the questionnaire were assessed: reliability by internal consistency, construct validity and factor structure. According to the results of adaptation, the TIAS questionnaire has good psychometric indicators.

Keywords

Internet addiction, test adaptation, Instagram addiction, TIAS

For citation

Samochnova E. L., Sosnovskaya E. A., Sholeh A. (2021). Psychometric Analysis of “The Instagram Addiction Scale”. *Reflexio*, 14 (2), 61–73. (in Russ.) DOI 10.25205/2658-4506-2021-14-2-61-73

Введение

Проблема патологического использования сети Интернет обострилась относительно недавно. И связано это прежде всего с возрастающей «интернетизацией» российского общества.

По определению, интернет-зависимость – это психическое расстройство, отличительной особенностью которого выступает навязчивое желание подключиться к всемирной сети Интернет и нездоровая неспособность вовремя из нее выйти, когда время необходимого сеанса истекло. Особенно стоит отметить, что в современном мире феномен интернет-зависимости выступает одной из главных тем для научных исследований. Тем не менее, официальный статус этого расстройства остается под вопросом: интернет-зависимость до сих пор не включена в официальную классификацию заболеваний DSM-V [Regier и др., 2013].

В настоящее время интернет занимает в жизни людей одно из первых по значимости мест. Особенно сильно влияние интернета возросло в период пандемии COVID-19. Люди, вынужденные находиться дома, стали активно использовать интернет для общения, развлечения и как рабочее пространство.

В исследовании Ян Суня [Sun et al., 2020] сообщается, что во время пандемии COVID-19 46,8 % испытуемых сообщили о зависимости от использования интернета, а 16,6 % отметили большую продолжительность интернет-сеансов, чем до пандемии. Распространенность тяжелой интернет-зависимости выросла

на 23 %, (до пандемии COVID-19 она составляла 3,5 %, после – 4,3 %), а степень зависимости возрастала в 20 раз чаще, чем снижалась (60 % против 3 %).

Инстаграм – относительно новая платформа для онлайн общения, где пользователи могут легко делиться своими новостями и фотографиями. С момента запуска приложения в октябре 2010 года количество пользователей и загрузок растет с огромной скоростью. Несмотря на то, что это самое популярное приложение для общения и обмена фотографиями, оно не привлекает большого внимания исследовательского сообщества [Hu et al., 2014].

В Инстаграме есть две основные функции: лента и сторис. С помощью ленты пользователи могут делиться фотографиями и видео, затем они получают разнообразные отклики в виде комментариев и лайков от других пользователей [Kircaburun, Griffiths, 2018]. Вторая функция – сторис. Они относятся к концепции цифрового повествования и позволяют пользователям рассказывать истории о своей повседневной жизни, загружая в сеть фотографии и видео, которые автоматически исчезают через 24 часа [Amâncio, 2017].

Чрезмерное использование интернета, а особенно социальных сетей, негативно сказывается на психологическом здоровье людей. С точки зрения психологии, в основе Инстаграма, как и любой другой социальной сети, лежит система взаимодействия. Кроме того, Инстаграм больше, чем другие социальные сети, способствует росту стремления к публичности и самопрезентации личности [Козлова, 2014]. Таким образом, мы видим острую необходимость адаптировать методики, изучающие и диагностирующие уровень зависимости от Инстаграма.

Апробируемая в статье «Шкала зависимости от Инстаграма» (*TIAS, The Instagram Addiction Scale*) была разработана для оценки аддиктивного поведения у пользователей этой социальной сети [Sholeh, Rusdi., 2019]. Она состоит из двух подшкал: зависимости от ленты и зависимости от сторис. «Шкала зависимости от Инстаграма» (TIAS) относится к концепции зависимости, выдвинутой Гриффитсом [2005]. Концепция зависимости была проиллюстрирована с помощью шести основных компонентов, которые включали: 1) значимость, 2) изменение настроения, 3) толерантность, 4) отстранение, 5) конфликт и 6) рецидив [Griffiths, 2005].

В настоящем исследовании участвовал 251 респондент. Все они были активными пользователями Инстаграма с личными аккаунтами. Нами использовались такие методы, как: 1) исследовательский факторный анализ, 2) внутренняя согласованность теста и 3) тест взаимосвязи с использованием других шкал. Результаты показали, что TIAS валиден и надежен для измерения зависимости от Инстаграма. Так, TIAS имеет высокие коэффициенты внутренней надежности по шкале зависимости от ленты, равный 0,89, и по шкале зависимости от сторис, равный 0,91 [Sholeh, Rusdi, 2019].

В исходной теоретической статье Марка Гриффитса [Griffiths, 2005] утверждается, что все зависимости состоят из ряда отдельных общих компонентов (значимость, изменение настроения, толерантность, отстранение, конфликт и рецидив). Зависимости являются частью биопсихосоциального процесса, и появляется все больше свидетельств того, что всех типы аддиктивного поведения имеют общие черты. Сегодня эклектический подход к изучению аддиктивного поведения пред-

ставляется наиболее активно развивающимся и прагматичным в этой области. Общие черты аддикций могут иметь значение не только для лечения такого поведения, но и для восприятия широкой публикой такого поведения.

М. Гриффитс и М. Ларкин предположили, что существуют ключевые компоненты, которые должна содержать успешная теория зависимости [Larkin, Griffiths, 1998; Griffiths, Larkin, 2004]. Такая теория должна: 1) синтезировать фармакологические, культурные, ситуативные и личностные факторы; 2) учитывать различную природу зависимости в разных культурах, у разных людей и в разное время; 3) учитывать общие черты между всеми зависимостями; 4) быть корректной ассимиляцией человеческого опыта.

Модель сложных систем хорошо соответствует биопсихосоциальному подходу к зависимости [Marlatt et al., 1988; McMurrin, 1994]. Его также можно считать потомком предыдущих многофакторных подходов к процессу зависимости [Wanberg, Horn, 1983; Zinberg, 1984]. Очевидно, что с точки зрения модели сложных систем можно рассматривать взаимодействие как общих, так и уникальных элементов ситуации для любого конкретного человека. Сюда входят психологические, физиологические, социальные и культурные факторы, которые могут быть специфическими для каждого. Это также позволяет учитывать фармакологические свойства определенных веществ или усиливающие свойства определенных видов нехимических аддиктов.

Данное исследование направлено на оценку внутренней структуры, конструктивной валидности, а также надежности русскоязычной версии шкалы TIAS.

Выборка

Выборку составили 416 пользователей Инстаграма с личными учетными записями в возрасте от 14 до 60 лет ($M = 23$, $SD = 8,86$), из которых 187 мужчин и 229 женщин, проживающих на территории Российской Федерации.

Инструменты

1. «Шкала зависимости от Инстаграма» (TIAS), состоящая из двух субшкал: зависимости от ленты (Приложение 1) и зависимости от сторис (Приложение 2). Субшкала зависимости от ленты состоит из 20 утверждений. Каждый элемент представляет компонент зависимости: значимость, изменение настроения, терпимость, отстранение, конфликт и рецидив. Используемая 5-балльная шкала Лайкерта варьируется от 1 («категорически не согласен») до 5 («полностью согласен»). Субшкала зависимости от сторис состоит из 22 утверждений. Каждый элемент также представляет вышеперечисленные компоненты зависимости. Используемая 5-балльная шкала Лайкерта варьируется от 1 («категорически не согласен») до 5 («полностью согласен»).

Процедура перевода TIAS на русский язык реализовывалась в три этапа: 1) авторами статьи был осуществлен прямой перевод шкалы, 2) независимый эксперт-билингв произвел обратный перевод, 3) было проведено согласование обратного перевода и оригинальной версии шкалы. Таким образом, при переводе TIAS

на русский язык были учтены международные психометрические стандарты, регламентирующие процедуру кросс-культурной адаптации тестов [Gudmundsson, 2009].

2. «Опросник проблемного использования соцсетей» – это шкала, состоящая из 15 пунктов, используемая для оценки уровня проблемного использования соцсетей [Сирота и др., 2018]. В этой методике используется 7-балльная шкала.

Результаты и обсуждение

Факторная структура TIAS

Для анализа факторной структуры «Шкалы зависимости от Инстаграма» проводился конфирматорный факторный анализ в статистическом пакете EQS 6.3 for Windows. Для оценки пригодности модели использовались следующие показатели: 1) $\chi^2 p > 0,05$; 2) RMSEA $< 0,05$ (при 90 % CI от 0,000 до 0,049); 3) CFI $> 0,95$; 4) IFI $> 0,95$; 5) TLI $> 0,95$. Для анализа модели проводилась апостериорная модификация на основе индекса Лагранжа и оценка многомерной нормальности, для которой использовался показатель *s.r.* < 5 . Поскольку критический коэффициент для многомерного эксцесса превышает 5, использовалась поправка на нарушение многомерной нормальности Сатторры – Бенглера. Результаты проверки модели с поправкой представлены в таблице.

Показатели соответствия модели TIAS по итогам CFA ($n = 416$)

Модель	χ^2, p	RMSEA (90 % CI)	CFI	IFI	TLI
Пятифакторная модель шкалы зависимости от ленты (рис. 1)	2 741,595 $p < 0,001$	0,034 (0,024 0,043)	0,972	0,972	0,964
Шестифакторная модель шкалы зависимости от сторис (рис. 2)	3 418,315 $p < 0,001$	0,038 (0,030 0,046)	0,964	0,964	0,957

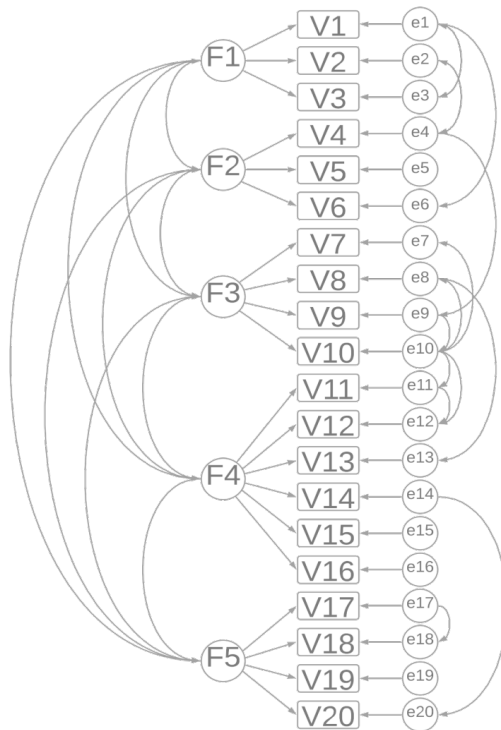

Рис. 1. Структурная модель методики TIAS (шкала зависимости от ленты)

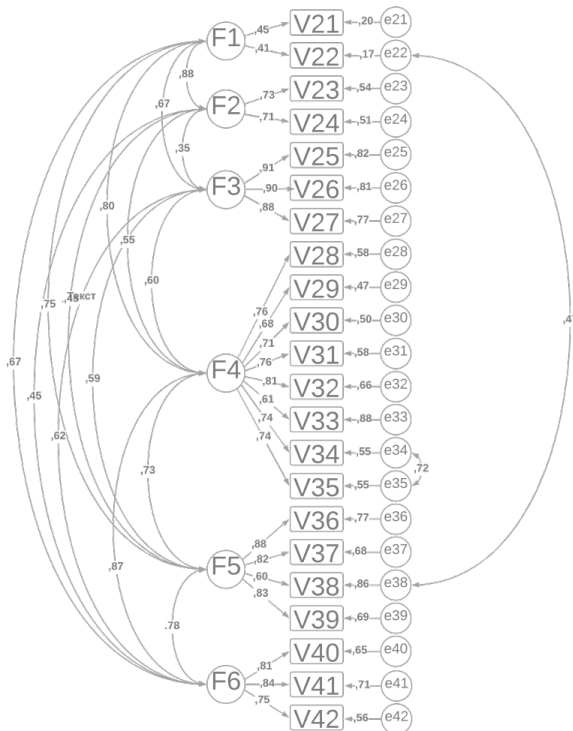

Рис. 2. Структурная модель методики TIAS (шкала зависимости от сторис)

Оценка внутренней согласованности

Для проверки внутренней согласованности опросника PIAS был вычислен коэффициент α Кронбаха. Полученное значение 0,96 свидетельствует о высокой внутренней согласованности опросника. Также был вычислен коэффициент α Кронбаха по шкалам. Значение для шкалы зависимости от ленты составило 0,915, а для шкалы зависимости от сторис – 0,932. Это свидетельствует о высокой внутренней согласованности каждой отдельной шкалы опросника.

Оценка конструктивной валидности

Для оценки конструктивной валидности был использован опросник проблемного использования социальных сетей. Поскольку распределение вероятностей отлично от нормального закона распределения, был использован коэффициент ранговой корреляции Спирмена, и полученное значение свидетельствует о хорошей конструктивной валидности ($\rho = 0,489, p < 0,01$). Однако уровень корреляции оказался недостаточно высоким, что может указывать на значительное отличие Инстаграма от других социальных сетей. Это в очередной раз подчеркивает актуальность адаптации PIAS.

Выводы

Русскоязычная версия PIAS успешно прошла проверку базовых психометрических свойств и продемонстрировала приемлемые показатели конструктивной валидности и надежности. Адаптированная шкала проста в заполнении и обработке, благодаря этому ее можно рекомендовать в качестве инструмента для экспресс-диагностики инстаграм-зависимости в научных и практических целях. Успешная адаптация PIAS открывает перспективы для кросс-культурных исследований инстаграм-зависимости с участием русскоязычных респондентов.

Список литературы

Золотарева А. А. Валидность и надежность русскоязычной версии шкалы самооценки М. Розенберга // Вестник Омского университета. Серия «Психология», 2020. № 2. С. 52–57.

Козлова Н. С. Социальная сеть «Инстаграм» как социально-психологическое явление // Молодой ученый, 2014. № 16. С. 387–390.

Сирота Н. А., Московченко Д. В., Ялтонский В. М. Разработка русскоязычной версии опросника проблемного использования социальных сетей // Консультативная психология и психотерапия, 2018. Т. 26. № 3. С. 33–55.

Amâncio M. “Put it in your Story”: Digital Storytelling in Instagram and Snapchat Stories (Master’s thesis). Uppsala Universitet: Department of Informatics and Media Media & Communication Studies, 2017.

Carlson K. D., Herdman A. O. Understanding the impact of convergent validity on research results // Organizational Research Methods, 2012. Vol. 15. № 1. Pp. 17–32.

Griffiths M. A ‘components’ Model of Addiction within a Biopsychosocial Framework // Journal of Substance Use, 2005. Vol. 10. № 4. Pp. 191–197.

- Griffiths M. D. Betting Your Life On It: Problem Gambling Has Clear Health Related Consequences // *British Medical Journal*, 2004. Vol. 329. Pp. 1055–1056.
- Gudmundsson E. Guidelines for Translating and Adapting Psychological Instruments // *Nordic Psychology*, 2009. Vol. 61. № 2. Pp. 29–45.
- Hu Y., Manikonda L., Kambhampati S. What We Instagram: A First Analysis of Instagram Photo Content and User Types // *Proceedings of the International AAAI Conference on Web and Social Media*, 2014. Vol. 8. № 1. Pp. 595–598.
- Larkin M., Griffiths M. D. Response to Shaffer (1996): The Case for ‘Complex Systems’ Conceptualizations of Addiction // *Journal of Gambling Studies*, 1998. Vol. 14. Pp. 73–82.
- Marlatt G. A., Baer J. S., Donovan D. M., Kivlahan D. R. Addictive Behaviors: Etiology and Treatment // *Annual Review of Psychology*, 1988. Vol. 39. Pp. 223–252.
- McMurrin M. *The Psychology of Addiction*. London: Taylor & Francis, 1994.
- Regier D. A., Kuhl E. A., Kupfer D. J. The DSM-5: Classification and Criteria Changes // *World Psychiatry*, 2013. Vol. 12. № 2. Pp. 2–98.
- Sholeh A., Rusdi A. A New Measurement of Instagram Addiction: Psychometric Properties of “The Instagram Addiction Scale” (TIAS) // *CISAK*, 2019. Pp. 91–97.
- Sun Y. et al. Brief Report: Increased Addictive Internet and Substance use Behavior During the COVID-19 Pandemic in China // *The American Journal on Addictions*, 2020. Vol. 29. № 4. Pp. 268–270.
- Taber K. S. The Use of Cronbach’s Alpha when Developing and Reporting Research Instruments in Science Education // *Research in Science Education*, 2018. Vol. 48. № 6. Pp. 1273–1296.
- Wanberg K. W., Horn J. L. Assessment of Alcohol-Use with Multi-Dimensional Concepts and Measures // *American Psychologist*, 1983. Vol. 38. Pp. 1055–1069.
- Zinberg N. E. *Drug, Set, Setting: The Basis for Controlled Intoxicant Use*. New Haven, CT: Yale University Press, 1984.

References

- Amâncio M. (2017). “Put it in your Story”: Digital Storytelling in Instagram and Snapchat Stories (Master’s thesis). Uppsala Universitet: Department of Informatics and Media Media & Communication Studies.
- Carlson K. D., Herdman A. O. (2012). Understanding the impact of convergent validity on research results. *Organizational Research Methods*, 15(1), 17–32.
- Griffiths M. D. (2004). Betting your life on it: Problem gambling has clear health related consequences. *British Medical Journal*, 329, 1055–1056.
- Griffiths M. D. (2005). A ‘components’ model of addiction within a biopsychosocial framework. *Journal of Substance use*, 10(4), 191–197.
- Gudmundsson E. (2009). Guidelines for translating and adapting psychological instruments. *Nordic Psychology*, 61(2), 29–45.
- Hu Y., Manikonda L., Kambhampati S. (2014). What we Instagram: A first analysis of Instagram photo content and user types. *Proceedings of the International AAAI Conference on Web and Social Media*, 8(1), 595–598.
- Kozlova N. S. (2014). Social’naja set’ “Instagram” kak social’no-psihologicheskoe javlenie [Social network “Instagram” as a social and psychological phenomenon]. *Moloday uchenyj*, 16, 387–390.

Larkin M., Griffiths M. D. (1998). Response to Shaffer (1996): The case for ‘complex systems’ conceptualizations of addiction. *Journal of Gambling Studies*, 14, 73–82.

Marlatt G. A., Baer J. S., Donovan D. M., Kivlahan D. R. (1988). Addictive behaviors: Etiology and treatment. *Annual Review of Psychology*, 39, 223–252.

McMurran M. (1994). The psychology of addiction. London: Taylor & Francis.

Regier D. A., Kuhl E. A., Kupfer D. J. (2013). The DSM-5: Classification and criteria changes. *World psychiatry*, 12(2), 2–98.

Sholeh A., Rusdi A. (2019). A new measurement of Instagram addiction: Psychometric properties of The Instagram Addiction Scale (TIAS). *CISAK*, 91–97.

Sirota N. A., Moskovichenko D. V., Yaltonskiy V. M. (2018). Razrabotka russkoyazychnoy versii oprosnika problemnogo ispol'zovaniya sotsial'nykh setey [Development of the Russian-language version of the questionnaire on the problematic use of social networks]. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya*, 26(3), 33–55.

Sun Y. et al. (2020). Brief report: increased addictive internet and substance use behavior during the COVID-19 pandemic in China. *The American Journal on Addictions*, 29(4), 268–270.

Taber K. S. (2018). The use of Cronbach’s alpha when developing and reporting research instruments in science education. *Research in Science Education*, 48(6), 1273–1296.

Wanberg K. W., Horn J. L. (1983). Assessment of alcohol-use with multi-dimensional concepts and measures. *American Psychologist*, 38, 1055–1069.

Zinberg N. E. (1984). Drug, set, setting: The basis for controlled intoxicant use. New Haven, CT: Yale University Press.

Zolotaryova A. A. (2020). Validnost’ i nadezhnost’ russkojazychnoj versii shkaly samoocenki M. Rozenberga [Validity and reliability of the russian version of the self-assessment scale of M. Rosenberg]. *Vestnik Omskogo universiteta. Serija “Psikhologija”*, 2, 52–57.

Приложение 1

Шкала зависимости от ленты Инстаграма (A. Sholeh, A. Rusdi)

Утверждение	Полностью не согласен	Ни то, ни другое		Полностью согласен	
		3	4	5	6
1. Я часто думаю о размещенных другими фото/видео в ленте Инстаграма.	1	2	3	4	5
2. Я часто думаю о том, что происходит в Инстаграме, когда я не захожу в него.	1	2	3	4	5
3. Я часто думаю и испытываю любопытство, когда не вижу контента в ленте Инстаграма.	1	2	3	4	5
4. Я выкладываю фото/видео в Инстаграме, чтобы привлечь внимание других людей.	1	2	3	4	5

Окончание прил. 1

1	2	3	4	5	6
5. Я комментирую фото/видео друзей в ленте Инстаграма, чтобы получить обратную связь.	1	2	3	4	5
6. Я постоянно думаю, какие фильтры и подписи мне добавить к фото/видео, которые я выложу в ленту Инстаграма.	1	2	3	4	5
7. Я смотрю контент в ленте Инстаграма, чтобы уменьшить чувство вины, беспомощности и депрессии.	1	2	3	4	5
8. Я смотрю контент в ленте Инстаграма, чтобы забыть о своих личных проблемах.	1	2	3	4	5
9. Я смотрю контент в ленте Инстаграма, чтобы уменьшить тревожность.	1	2	3	4	5
10. Я трачу много времени, просматривая фото/видео в ленте Инстаграма.	1	2	3	4	5
11. Я стараюсь уменьшить свое время, проведенное в Инстаграме (просматривая ленту), но это не работает.	1	2	3	4	5
12. Я решил(а) реже просматривать ленту Инстаграма, но у меня не получилось.	1	2	3	4	5
13. Я легко раздражаюсь, если мне запрещают просматривать ленту Инстаграма.	1	2	3	4	5
14. Я часто отменяю встречи с другими людьми из-за Инстаграма (просматривая ленту)	1	2	3	4	5
15. Я чувствую раздражение, если кто-то мешает мне просматривать ленту Инстаграма.	1	2	3	4	5
16. Мне тревожно или я испытываю другие трудности, когда мне запрещено просматривать ленту Инстаграма.	1	2	3	4	5
17. Я часто долго смотрю контент в ленте Инстаграма, из-за чего я пренебрегаю своей работой/учебой	1	2	3	4	5
18. Я нахожу сложным находить время для хобби, отдыха или упражнений, потому что я трачу время, просматривая ленту Инстаграма.	1	2	3	4	5
19. Мне сложно рано заснуть из-за того, что я просматриваю ленту Инстаграма.	1	2	3	4	5
20. Моя семья часто жалуется на то, что я слишком много сижу в Инстаграме (просматривая ленту)	1	2	3	4	5

**Шкала зависимости от сторис Инстаграма
(A. Sholeh, A. Rusdi)**

Утверждение	Полностью не согласен	Ни то, ни другое		Полностью согласен	
		3	4	5	6
1	2	3	4	5	6
1. Я думаю прежде чем поделиться фото в сторис Инстаграм: поделиться им публично или с «близкими друзьями».	1	2	3	4	5
2. Я часто планирую провести прямую трансляцию (live stream) в Инстаграм.	1	2	3	4	5
3. Я делаю сторис о своих действиях, чтобы привлечь внимание других.	1	2	3	4	5
4. Я комментирую сторис своих друзей, чтобы получить ответную реакцию.	1	2	3	4	5
5. Я просматриваю сторис в Инстаграме, чтобы уменьшить чувство вины, тревоги, беспомощности или депрессии.	1	2	3	4	5
6. Я просматриваю сторис в Инстаграме, чтобы забыть о личных проблемах.	1	2	3	4	5
7. Я смотрю контент в сторис Инстаграма, чтобы уменьшить беспокойство.	1	2	3	4	5
8. Я чувствую, что я хочу продолжать постоянно просматривать сторис в Инстаграме.	1	2	3	4	5
9. Я часто думаю о том, что другие выкладывают в сторис в Инстаграме.	1	2	3	4	5
10. Я продолжаю обдумывать и чувствовать любопытство, даже когда не вижу сторис в Инстаграме.	1	2	3	4	5
11. Мне скучно, если я не смотрю сторис в Инстаграме.	1	2	3	4	5

Окончание прил. 2

1	2	3	4	5	6
12. Я провожу много времени за просмотром чужих сторис в Инстаграме.	1	2	3	4	5
13. Как только я просыпаюсь, первым делом я проверяю сторис в Инстаграме.	1	2	3	4	5
14. Я решаю реже просматривать сторис в Инстаграме, но это не работает.	1	2	3	4	5
15. Я старался меньше смотреть чужие сторис в Инстаграме, но у меня не получилось.	1	2	3	4	5
16. Меня слегка раздражает, если мне запрещают смотреть сторис в Инстаграме.	1	2	3	4	5
17. Меня раздражает, если меня беспокоят, когда я просматриваю контент сторис в Инстаграме.	1	2	3	4	5
18. Я часто отменяю встречи с другими, потому что смотрю сторис в Инстаграме.	1	2	3	4	5
19. Я нервничаю, если мне запрещают смотреть сторис в Инстаграме.	1	2	3	4	5
20. Я так часто смотрю сторис в Инстаграме, что пренебрегаю работой / учебным временем.	1	2	3	4	5
21. Мне сложно тратить время на хобби, отдых или упражнения из-за просмотра сторис в Инстаграме	1	2	3	4	5
22. Мне трудно рано заснуть, потому что я всегда проверяю сторис в Инстаграме.	1	2	3	4	5

Ключ

Баллы по шкалам суммируются. Чем выше балл, набранный по этой шкале, тем больше для человека характерна зависимость от Инстаграма.

Сведения об авторах

Самочернова Елизавета Леонидовна – студент бакалавриата Института медицины и психологии им. Зельмана Новосибирского государственного университета (Новосибирск, Россия)

Сосновская Екатерина Андреевна – студент бакалавриата Института медицины и психологии им. Зельмана Новосибирского государственного университета (Новосибирск, Россия)

Sholeh Ahmad – магистр Исламского Индонезийского университета (Джокьякарта, Индонезия)

Information about the Authors

Elizaveta L. Samochernova – bachelor student of the Zelman Institute for Medicine and Psychology of Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation)

Ekaterina A. Sosnovskaya – bachelor student of the Zelman Institute for Medicine and Psychology of Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation)

Ahmad Sholeh – master student of the Clinical Psychology of Universitas Islam Indonesia (Yogyakarta, Indonesia)

Статья поступила в редакцию 03.10.2021
The article was submitted 03.10.2021